

приводу цього почуття: «Мабуть, я ще нікого не кохав і не кохаю, бо певний, що ще ніколи не був у такому стані, який описують багато поетів. Щоправда, їм не можна дуже довіряти, але, виходячи з того, що я знаю і що читав про кохання, то це, властиво не що інше як психічна хвороба, яка в людей прибирає певної форми божевілля і виявляється в тому, що вони вважають когось зовсім не тим, ким він є насправді» [3; 105]. У Мура розпочалися стосунки з Місміс. Ідилію першого любовного побачення переривають і затьмарюють два її огидних кузени: вони жорстоко б'ють Мура і скидають його в стічну канаву. Образ Місміс переслідує його, він складає в її честь гімни і мадригали. Попри все Мур і Місміс знову зустрічаються під місяцем, ніхто їм не перешкоджає співати дуєтом. Кіт вирішує застосувати радикальний засіб від подальших амурних мук: пропонує своїй прекрасній дамі лапу і серце. Так, як і в людей, в котів вогонь кохання погас. Місміс зрадила Муру з котом-ловеласом. Вони зізнаються одне одному в серцевому охолодженні - і вирішують йти далі кожен своїм шляхом. Мура підхоплює хвиля ще більшої жадою до наук і образотворчих мистецтв. Хоча пізніше він вкотре куштує смак кохання і зустрічається з різними неприємностями.

З дописки видавця ми дізнаємося, що розумного kota Мура посередині його прекрасного життєвого шляху забрала невблаганна смерть. «Він помер уночі з двадцять дев'ятого на тридцять листопада після недовгих, але тяжких страждань, виявивши спокій і витримку справжнього мудреця. Це ще один доказ того, що з передчасно дозрілими геніями виходить не все гаразд: вони або зарані в'януть, втрачають характер, стають бездушними і губляться в масі, або довго не живуть» [3; 356].

«Художній талант Гофмана, його гостра сатира, тонка іронія, його милі дивакуваті герої, натхненні пристрастю до мистецтва ентузіасти здобули йому міцні симпатії сучасного читача»[5;82].

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Апенко Е.М. История зарубежной литературы XIX века – М.: Проспект, 2001. – 416с.
2. Балашов Н.И. «История немецкой литературы: том 3 – М.: Наука, 1966. – 585с.
3. Гофман Е.Т.А. Життєва філософія kota Мура – К.:1983. – 372с.
4. Давиденко Г.Й. Історія зарубіжної літератури XIX – початку XX століття – К.: Центр учбової літератури, 2009. – 400с.
5. Соловьева Н.А. История зарубежной литературы XIX века: – М.: Высшая школа, 1991. – 637с.

Тимошук М.

Науковий керівник – доц. Ситко Л.М.

ПИСАТЕЛЬ-ВРАЧ И ПИСАТЕЛЬ-ПАЦИЕНТ: ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Цель нашей статьи – раскрыть мастерство психологического анализа в рассказе В.М. Гаршина «Красный цветок» и повести А.П. Чехова «Черный монах». Насколько нам известно, в литературоведении пока не предпринималась попытка сопоставить стилевую индивидуальность этих двух писателей на материале произведений, в которых изображена патологическая психика человека.

Прежде чем говорить о приемах раскрытия внутреннего мира человека В.М. Гаршиным и А.П. Чеховым, нам необходимо на теоретическом уровне осмыслить сущность психологизма как эстетического свойства.

Писателями-психологами исследователи называют тех авторов, в произведениях которых выдержаны все три критерия психологизма: 1) психологическое изображение является основным способом, с помощью которого писатель раскрывает, познает изображаемые им характеры героев; 2) психологическое изображение несет на себе значительную смысловую нагрузку, раскрывая особенности проблематики и пафоса произведения; 3) психологическое изображение имеет достаточно большой объем. Заметим, что в литературе параллельно существуют «психологический и непсихологический способы художественного освоения реальности, и они равноценны с эстетической точки зрения» [4, 5].

Конкретные приемы словесного воссоздания внутреннего мира героя художественного произведения, в конечном счете, сводятся к двум формам: прямой и косвенной. Исследователь

А.П. Скафтымов также выделяет и третью форму психологического изображения, которая получила название суммарно-обозначающей. Прямая форма основывается на изображении характера «изнутри», то есть путем художественного познания психологии действующего лица через его внутренний мир; косвенная – на раскрытии характера «извне», суммарно-обозначающая же представляет собой лишь «обобщенное название», констатацию, а не изображение чувств [6, 175]. Соответственно, выбор формы определяется задачами, поставленными писателем в произведении.

Приемы психологического изображения в художественной литературе очень разнообразны. Наиболее часто используемыми являются: внутренний монолог, рефлексия, исповедь, сон, галлюцинации, видения, бред, двойничество, письма, дневники, пейзаж, интерьер, прием умалчивания.

Художественное творчество имеет тесную связь с этапами биографии писателя, которые определили его мировоззрение. Так, исследование жизни В.М. Гаршина позволяет сделать вывод, что формирование его как личности психологически колеблющейся было обусловлено рядом эмоциональных потрясений, которые на долгие годы превратили его из просто писателя-психолога в писателя-пациента психиатрической больницы.

Первые потрясения произошли с Гаршиным еще в детстве, когда его мать, увлекшись П.В. Завадским, сопровождала их бывшего домашнего учителя в ссылку в Петрозаводск, а затем со старшими сыновьями стала жить в Петербурге, а Сева остался с отцом в Старобельском уезде. Во время же учебы в гимназии у В.М. Гаршина начали проявляться первые симптомы душевного расстройства: появились смутные стремления борьбы с «мировым злом» [1, 249]. Не менее любопытный факт, позволяющий говорить о психических расстройствах В.М. Гаршина, связан с эпидемией чумы в Петербурге и персоной М.Т. Лорис-Меликова.

Своеобразным итогом болезни писателя стал рассказ «Красный цветок», герой которого – несчастный безумец, с горящими как уголья глазами, одержимый одной мыслью – покончить разом со всем злом мира.

Осуществляя свой творческий замысел, В.М. Гаршин в полной мере осознавал ту двуплановость «Красного цветка», которая сделала его столь ярким явлением в литературе. «Выходит нечто фантастическое, хотя на самом-то деле строго реальное» [3, 297], – так он пишет другу о своей работе над рассказом. Два эти плана – фантастическое и реальное – тесно переплетены.

Так, например, первые абзацы произведения выполняют важную «кодирующую» функцию – они выступают в роли зачина, задающего тон всему последующему повествованию. Именно первая фраза героя-безумца, сказанная *«громким, резким, звенящим голосом»*, предвещает использование автором прямой формы освоения внутреннего мира персонажа, а именно – изображение его «изнутри», путем художественного познания психологии через речь, мысли, образы памяти и воображения, пусть даже болезненные. Первые строки образуют некую отправную точку осмысления идеи и обладают ключевым словом *«ревизия»*: *«Именем его императорского величества, государя императора Петра Первого, объявляю ревизию сему сумасшедшему дому!»* [2, 156]. Писатель, проникая во внутрь души героя, не боится споткнуться о болезненный субъективизм, а скорее наоборот – всеми возможными приемами «болеет» с ним, чувствует и переворачивает действительный мир, с которым у гаршинского героя-интеллекта возникает конфликт.

Следующий психологический прием В.М. Гаршина – портрет. Эта «фотография» внутреннего мира еще более выразительна в изображаемом трагическом аспекте: *«Он был страшен. Сверх изорванного во время припадка в ключья серого платья куртка из грубой парусины с широким вырезом обтягивала его стан; длинные рукава прижимали его руки к груди накрест и были завязаны сзади. Воспаленные, широко раскрытые глаза (он не спал десять суток) горели неподвижным горячим блеском; нервная судорога подергивала край нижней губы; спутанные курчавые волосы падали гривой на лоб...»* [2, 156-157]. Нагнетание антиэстетических деталей обеспечивается разнообразными прилагательными, семантизация которых способствует предельному внутреннему напряжению и созданию «морального шока».

Важно обратить внимание также на психолого-символический финал рассказа «Красный цветок». Гаршин снова обращается к портрету: *«Лицо его было спокойно и светло; истощенные черты с тонкими губами и глубоко впавшими глазами выражали какое-то*

горделивое счастье... Но рука закоченела, и он унес свой трофей в могилу» [2, 170]. Именно последние слова объясняют глубину всех тяжелых дней существования безумца в мире еще большего, но объективного, сумасшедшего дома.

В конце рассказа писатель активизирует в качестве психологического приема пейзаж: *«Звезды ласково мигали лучами, проникая до самого его сердца. – Я иду к вам, – прошептал он, глядя на небо»* [2, 170]. Наречие «ласково» вступает в полную оппозицию с описаниями в начале текста. Он умирает, ведь *звезды мигали*. Подобные мастерски подобранные слова говорят о В.М. Гаршине как о писателе-психологе, который чувствует тонкую связь души человека и природы.

Патологическая психика человека стала объектом изображения и в повести «Черный монах» А.П. Чехова. Психологизм этого произведения определяется отчасти некоторыми биографическими сведениями о писателе. Во-первых, А.П. Чехов сам был врачом и, конечно же, был знаком с работами выдающихся медиков, в том числе и психиатров. Е.Б. Меве в своей книге «Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова» говорит о достоверности описаний Чеховым болезни главного героя рассказа Коврина с медицинской точки зрения. Автор книги предполагает, что Чехов знал «Курс психиатрии» С.С. Корсакова, а то и лично был знаком с врачом-психиатром, основные положения работы которого и были тщательно использованы Чеховым при описании психической болезни героя «Черного монаха» – мании величия [5]. Во-вторых, интерес писателя к самому черному монаху имеет реальную жизненную основу. В воспоминаниях Н.Д. Телешова читаем, что еще в 1888 г. А.П. Чехов, глядя утром через окно на силуэт монаха, увидел в этой картине «хорошую тему» [7, 473].

Первые строки произведения насыщены четкостью и лаконичностью, свойственной писателю. Перед читателем появляется имя, фамилия, отчество главного героя, описанного А.П. Чеховым «диагностирующим» почерком врача: *«Андрей Васильевич Коврин, магистр, утомился и расстроил себе нервы»* [8, 300]. Важно отметить, что в начале повести автору вовсе не принципиально изображение внешности своего героя. Кроме того, писатель ведет повествование от третьего лица, что является косвенной формой психологизма. А.П. Чехов умышленно передвигает действие к дому семьи Песоцких, чтобы расставить акценты на развитии болезни главного героя через контраст с изображением жизни этой семьи. Психологический подтекст прослеживается в непосредственном описании сада: *«Деревья тут стояли в шашечном порядке, ряды их были прямы и правильны, точно шеренги солдат, и эта строгая педантическая правильность и то, что все деревья были одного роста и имели совершенно одинаковые кроны и стволы, делали картину однообразной и даже скучной»* [8, 301]. Даже сама Таня, молодая и красивая девушка, как будто от рождения застряла в ловушке «сада». Ее портрет, обрамленный А.П. Чеховым психологической канвой, подчеркивает скованность, неподвижность и постепенное замедление подобного образа жизни: *«Он засмеялся и взял ее за руку. Ее широкое, очень серьезное, озябшее лицо с тонкими черными бровями, поднятый воротник пальто, мешавший ей свободно двигать головой, и вся она, худощавая, стройная, в подобранном от росы платье, умляла его»* [8, 302]. Она не может двигать именно головой – сознательно и полностью оценивать жизнь, самостоятельно выбирать, думать, решать.

Отметим, что при изображении развития болезни Андрея Коврина А.П. Чехов обращается к довольно интересному способу. Вначале писатель вспоминает о таинственной легенде, о происхождении которой, на удивление, главный герой никак не может вспомнить: *«Я никак не могу вспомнить, откуда попала мне в голову эта легенда. Читал где? Слышал? Или, быть может, черный монах снился мне? Клянусь богом, не помню. Но легенда меня занимает. Я сегодня о ней целый день думаю»* [8, 306]. Последние слова можно считать предвестником паранойи, разновидностью которой является мания величия.

Безумец А.П. Чехова ведет диалоги со своим видением. Именно в них звучит не получившая до сих пор объяснения в литературоведении мысль об отождествлении нормальности, заурядности и стадности: *«... если хочешь быть здоров и нормален, иди в стадо»* [8, 315]. Так, раздвоив психику Андрея Коврина, Чехов с особой тщательностью описал подсознание своего главного героя.

Проведенный нами анализ произведений В.М. Гаршина «Красный цветок» и А.П. Чехова «Черный монах» с точки зрения психологического анализа позволяет сказать, что:

И В.М. Гаршин, и А.П. Чехов проявили неподдельный интерес к патологической психике человека, что в определенной степени обусловлено тем, что первый из них был пациентом психиатрической больницы, а второй имел медицинское образование.

Оба писателя показали себя непревзойденными мастерами психологического анализа, используя в своих произведениях различные его приемы.

Однако при сходстве общей стилевой тенденции произведений, в них четко проявляются индивидуальные писательские манеры. Так у В.М. Гаршина мы видим конкретизацию как главного героя, так и его локаций уже с первых строк произведения. Художественное освоение патологической психики раскрывается с помощью таких приемов, как портрет, пейзаж, интерьер, галлюцинации, бред. А.П. Чехов же обращается к своеобразной предыстории, и будто затягивая главную интригу, с тонким мастерством подготавливает общий фон и дает намеки-подсказки опытному читателю. Арсенал его психологических приемов составляют: повествование от третьего лица, двойничество, пейзаж, галлюцинации.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Гаршин В.М. Избранное / Сост. и прим. И. И. Подольской; Вступ. ст. Г.А. Бялого. – М.: Правда, 1985. – 416 с.
2. Гаршин В.М. Красный цветок: Рассказы. – К.: Дніпро, 1986. – 260 с.
3. Гаршин В. М. Письма. – С.-Пб.: Academia, 1934. – 598 с.
4. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – 174 с.
5. Меве Е.Б. Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова. – К.: Госмедиздат. УССР, 1961. – 286 с.
6. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. – М., 1972. – 543 с.
7. Чехов А.П. в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1960. – 711 с.
8. Чехов А.П. Повести. – М.: Художественная литература, 1968. – 479 с.

Шмира О.

Науковий керівник – доц. Вашків Л. П.

«ОЛЕСЯ–СИМВОЛ БЕЗСМЕРТЯ УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ» (ЗА ОПОВІДАННЯМ Б.ГРІНЧЕНКА «ОЛЕСЯ»)

В історію української літератури другої половини XIX – початку XX ст. Б. Грінченко увійшов як поет, прозаїк і драматург, перекладач, мовознавець і публіцист, культурний і громадський діяч, літературний критик.

За працюватість письменника шанували І.Франко, М.Коцюбинський, Леся Українка, П.Грабовський та інші видатні сучасники. «Великий хист, незвичайна витривалість у роботі скрашені великою любов'ю до рідного краю» [3;с.192]. С. Єфремов назвав Бориса Грінченка першим професійним письменником на Україні. І.Франко так охарактеризував літературно-громадську діяльність письменника: «Він належав до неспокійних, вихроватих натур, котрі кидаються на всі боки, заповняють прогалини, латають, піднімають повалене, валять те, що поставлене не до ладу, будують нове, шукають способів підняти до роботи більше рук» [4; с. 654]. Така оцінка є справедливою щодо всієї творчості письменника: його поезія, проза, драматичні твори, літературознавчі праці, переклади з інших мов сприяли подальшому розвитку українського письменства.

Активно працював Б.Грінченко у жанрах малої прози, створивши їх близько п'ятдесяти. Тематичний діапазон їх досить широкий: це оповідання про дітей: «Олеся» (1890), «Грицько» (1890), «Кавуни» (1891), «Украла» (1891), про тяжке сирітство, поневір'яння й самотність, через які у підлітка з'являється навіть думка про смерть, самогубство: «Сама, зовсім сама» (1885), «Ксеня» (1885), «Сестриця Галя» (1885), «Дзвоник» (1897).

Метою нашої статті є ідейно-художній аналіз оповідання Бориса Грінченка «Олеся» як твору високого патріотичного звучання, засобу формування національної свідомості та естетичного смаку підростаючого покоління. В оповіданні «Олеся» у строгій орієнтованості на вікове сприйняття читача викладена повчальна історія. Це твір з патріотичною ідеєю, де в гостросюжетній формі підноситься думка про потребу відданості своєму народові й країні.

Своїм оповіданням "Олеся" Борис Грінченко переносить нас у далекі часи боротьби українського народу протитурецько-татарських загарбників, які знищували усе на своєму